

«Павел вел себя очень по-мужски. Женщине, так уж мы устроены, всегда нужны доказательства серьезности намерений. Либо — брак, либо — имущественные гарантии. Павел все делал правильно — переписал на меня квартиру и машину...»

собен на все. Через несколько дней Павел позвонил и сказал, что ушел из дома, снял для нас квартиру, и потребовал, чтобы я для себя все решила. Пообещал встретить меня, после чего я должна буду либо поехать с ним, либо забыть о нем навсегда. Так, рыдая на плече у Лени и объясняя, что полюбила другого, я приземлилась в Москве. Разве я могла не уехать с Павлом?.. Первое время мне было очень тяжело. Я видела, какую боль причиняла Лене, пытаясь получить свое счастье. Ведь, несмотря на специфические отношения, которые нас связывали, я была к Лене очень привязана, была благодарна за все, что он для меня сделал. Два месяца я рыдала — мне снился Величковский, пьяный, бедный, брошенный, на кухне с открытым пустым холодильником. Павла безумно раздражали мои слезы. Он ведь думал, что плачу, потому что я жалею о Лене, а я жалела самого Леню. Дай мне волю, я бы, как Маргарита Павловна из «Покровских ворот», бегала к Величковскому, кормила, укладывала спать, стирала его рубашки и возвращалась к Паше. Павлу в то время тоже пришлось несладко. Он метался между мной и той семьей. Предстоял долгий бракоразводный процесс. Мы пережили столько всего в те дни — не пересказать. А в итоге, соединившись, прожили вместе только пять лет. Первые два года я жила в абсолютном мире и идеальном союзе... А потом что-то в этом мире нарушилось, и мы не удержали своего счастья, которое было так возможно.

— *Вы рассказываете об отношениях с Павлом с такой болью, что создается впечатление, что до сих пор жалеете о разрыве...*

— А разве может быть иначе? Ни одной женщине никакой разрыв никогда не дается легко — по чьей бы инициативе он ни произошел. А в моей ситуации... Я ведь не хотела никакого развода. Не верите?! По правде говоря, до сих пор удивляюсь, как мне хватило ума не поддаться на провокации, не пойти на поводу у собственных эмоций и не прокричать всему миру о своей беде. К тому моменту как Павел от нас ушел, Лизоньке было всего два месяца, Илюше — два годика. Даже вспоминать не хочу это время... Бывало, я кормила Лизоньку грудью, а мне звонили «доброжелатели» и рассказывали про Свирского очередные гадости. Надеялись, что всплыву и начну прилюдно поливать его грязью. Но моя обида — только моя. В конце концов, если мы с Павлом расстались, значит, тому суждено было случиться — кто не мой друг, тот мой учитель. Случись такое десять лет назад, может быть, я и кричала бы на каждом углу, что все мужики — подлещи, подонки, сволочи. У меня же не осталось к Павлу ни обиды, ни ненависти. Мне не за что гневить Бога. Правда, для того чтобы это понять, пришлось пройти очень долгий путь через объяснения самой себе, разговоры с психоаналитиками, советы друзей...

— *Что же послужило толчком к разрыву?*

— Сложно сказать. Я любила Павла безумно. Привязалась к нему как кошка. У мужа много времени забирал бизнес, поэтому зачастую я видела его только рано